

Писатель и его работа

Наш многомиллионный советский народ должен быть обеспечен достаточным количеством добротной духовной пищи, в том числе многими и многообразными произведениями литературы. Малочисленной группе людей, ныне создающих литературу, такая задача не под силу, если не будет постоянного притока все новых и новых писателей. Отсюда все наши заботы о молодежи, о решительном пополнении писательских рядов, о пополнении за счет бесспорных талантов. Тут не может быть речи о какой-то вербровке, о кампаниях вовлечения людей в Союз писателей и, наконец, о тепличной возне с отдельными лицами.

Источники нашего пополнения — в глубинах народа. Дело опытных мастеров — увидеть истинный талант, показать слабые и сильные стороны его, с тем, чтобы молодой писатель искал пути роста самостоятельно, в творческой работе. Поблизки и склади на молодость тут ни к чему. Судить о произведении следует строго, но доброжелательно, ободряюще, но без отлучения гневов.

Иногда мы становимся на ошибочный путь в самом начале работы с молодым автором. В редакцию присылают стихи. Чем-то они нравятся, где-то угадывается крупная мысль и настоящего чувства. И вот хороший поэт садится исправлять рукопись, а по существу, пишет заново. Стихи не печатаются, а со следующей почтой тот же автор присылает уже нечто совершенно беспомощное: сонно, мол, один раз — сойдет в другую. Стихи в редакции бракует. Автор, не извлекая урока из предыдущей обработки, переправляет их в другое место. Там также бракует. Автор начинает предьявлять обвинения в нечестности, приводя в пример первую «добрую» редакцию, и становится не писателем, а «обвиненным», сочинителем жалоб и писем.

Рассказываю об этом потому, что меня иногда выбирают в качестве некоего арбитра, требуют пронаести окончательный приговор, дать совет, «как продолжать творческую работу, как развивать свой поэтический талант?». В большинстве таких случаев ни продолжать, ни развивать ничего не следует, ибо продолжать можно действительно начатое, а развивать — действительно имеющееся. Сам же «сталант», требующий от тебя поддержки, не обнаруживает ни мысли, ни чувства и даже пишется с грубыми грамматическими ошибками.

Таким образом, неправильно осуществляемая сочувственная товарищеская помощь часто поворачивается обратной стороной. Иное дело, если бы, указав на все хорошее в рукописи, автору четко сказали, что плохо, что нужно исправить или переработать, предоставляя всю работу самому начинающему. Пусть не каждый и не сразу окажется в состоянии понять поставленную задачу и тем более справиться с ней. Умение и понимание придут по мере обогащения знаниями и опытом. Главное же — будет приобретен навык переживания самостоятельности, а не ходить на помочах.

Начинающих писать в нашей стране много. Это хорошо и закономерно. Советского человека влечет к перу богатство его внутренней жизни, широта его души, стремление поделиться с людьми наблюдениями и раздумьями. Но настоящих писателей становится лишь людей, обладающих большим запасом чувств и мыслей, способных выразить их в художественной форме — то есть имеющие талант и упорным трудом выработавшие в себе соответствующее умение писать. О том, что этот путь нелегко, говорилось неоднократно.

Кроме всего этого, кроме разносторонних знаний, кроме ясного и устойчивого материалистического, коммунистического мировоззрения, писателю необходимо чувство общественной ответственности за свершаемое им. Писатель — общественный деятель, глаза и сердце народа. Это обязывает его говорить об общественно значимых явлениях, видеть все основное, полное, растущее и развивающееся в жизни и быть чутким к недостаткам и недомоганиям, к проявлениям несправедливости, злой воли, дурного воспитания. Поэтому у нашей страны тот, кто стал писателем по призванию, всегда отвечает высокому понятию — советский гражданин, являясь не простым вместилищем человеческих достоинств, а активной личностью, работающей на благо народа.

Воспитывать в себе активные качества советского человека, как и беречь честь, нужно с молодости. К сожалению, общественная активность молодых писателей часто оставляет желать лучшего, а само последнее некоторых из них не всегда их украшает. А ведь молодежь, казалось бы, должна быть особенно чуткой ко всему новому, заслуживающему распространения, поощрения в печати, и особенно нетерпимой к пережиткам, которые следует бичевать.

Фельетон, статья, газетная заметка, написанные писателем, становятся в нашей прессе редкостью. А, кроме общественной полезности этого дела, писателем следовало бы учесть и то, что газетная работа обогащает творческим материалом, учит экономно выражать мысли. Многие молодые белорусские литераторы живут в областях и районах, жаждущих, что их не замечает местная печать, не дает литературных страниц и т. д. А почему эти литераторы не пишут очерков и стихов, которые могли бы найти место просто в газете, а не на специальной странице? Почему литератор, проводящий лето рядом с хорошим или отстояющим колхозом, не стремится познакомиться с ним поближе, не вмешивается в жизнь просто как писатель — не по поручению редакции, не из соображений творческой командировки, а по велению общественного долга? Ведь здесь же и герои, и конфликты, и живой язык!

Вот несколько примеров, на первый взгляд, как будто малозначительных. Я намеренно беру эти примеры, потому что на отношении писателя к малому определяется и его отношение к великому, потому что все, с чем сталкивается писатель, должно вызывать его активное действие. — на то он и писатель.

Сельское хозяйство ежегодно терпит значительный ущерб из-за летних гроз, а грозоотвод в сельских местностях мало. Районные организации слабо занимаются этим. Многие молодые писатели заняты в деревне преподавательской работой и могли бы с помощью учеников соорудить простейший

грозоотвод, подстергнуть таким примером председателя колхоза и интересно написать о своем начинании. Но кто сделал это?

Писатели, не имеющие автомобиля и т. д., пользуются городским транспортом (впрочем, ездить в трамвае полено и владеть автомобилем). Во время таких поездок обнаруживается много поучительного. Вчера вы, скажем, были свидетелем того, как пассажиры помогли заблудившемуся ребенку найти мать. Вот школьники, поддерживая под руки, выводят из вагона больного старика и сопровождают его при переходе через улицу. А вот через переднюю площадку, сбывая с ног женщин и детей, вваливается тридцатилетний краснощекий здоровяк с подвыпившим приятелем. Проезжая без билетов, они издеваются над кондуктором: «Сегодня у нас нет настроения платить за проезд!». Продвигаясь против движения, они, с лихо сбитами на затылок жемками, наконец, вылетают из вагона уже с задних площадок, обрушиваясь на ожидающих посадку пассажиров. Хулиганы? Да, хулиганы! Но ни тени возмущения на лицах едущих. Безмолвствует и милиционер. Он тоже возмел с передней площадки и стал в дверях, мешая выходить.

Очень печально, что все это не попадает в записную книжку писателя, чтобы послужить материалом для статьи или статьи эпизодом в книге, печально, что и такого рода явления жизни не вызывают активного писательского действия.

Может быть, все это нехарактерно и мелко? Но, имея творческие крылья, не следует забывать, что мы ходим по земле, что именно из ряда жизненных наблюдений составляется обобщение.

Не весь и не всякий собранный материал идет в дело. Обычно писатель отбирает его соответственно поставленной цели, типу своего сооружения, останавливаясь на наиболее прочном и доброкачественном. Перегрузка сырым, художественно не переработанным материалом ведет к натуралистическому изображению действительности. Но записная книжка — наш неизменный спутник. Чем полнее она, тем больше ресурсов для дальнейшей работы. Никакой самый занимательный сюжет не может быть обременен художественной плотью и кровью без жизненного материала.

Однако иметь материал — это не значит уметь построить здание. Есть дом, привлекающий глаз то ли тоном окраски, то ли канцелярии, то ли удачным размещением окон и балконов. А зайдешь внутрь: неутоно, негде приткнуться, как говорят в народе. Подобное впечатление остается от некоторых тоистых, внешне благопоучных книг. Какие-то неясные фигуры произносятся как-то вялые слова, совершают какие-то неслепые поступки. Все в книге серо, мрачно, ни одной улыбки, сплошное величественное богослужение. Не найдены размеры и пропорции, не создано такое пространство, в котором легко дышать и перемещаться людям, нет точки, с которой привалился бы живительный луч солнца, заставляющий кипеть страсти, а ведь только это и сообщает книге внутреннюю жизнь. Многообразие и пустоты в одних главах, чрезмерная «густота» событий в других могут погубить самую благородную тему и интересно намеченные образы.

В старину говорили: работа делает мастера. Трудно сразу написать большое полотно, нужна подготовка трудом, ежедневная практика. Вот здесь-то и пригодится работа в газете, умение сделать сильную стихотворную строку, написать очерк и небольшую рассказ. Наши великие предшественники от стихов переходили к прозе, а затем к драматургии. Все дело в том, чтобы соразмерять свои возможности, рубить, как говорится, дерево по себе.

Знакомая с иными рукописями, я часто думаю, что произведение написано без черновика, а, возможно, перед тем, как записать черновик. Многие из нас забывают, что писать — это значит думать на бумаге и что при каждом переписывании мысль выражается более сжато, более остро. Откуда же у нас такая поспешность? Или мы полагаем, что к ходу написанное уже настолько драгоценно, что не требует исправлений? Если мы любим свое дело во всех процессах, в вынашивании темы, в лепке образов, в построении произведения, то никогда не устанем и шлифовать стиль.

Мне кажется, что в работе над языком произведения нужно добиваться краткости слова. В любых случаях жизни мы приводим афоризмы Пушкина, Крылова, Грибоедова, уже не думая об авторах тех или иных строк, а пользуясь их словом, как слитком народной мудрости. Народ — великий мастер краткого слова. Эти несравненные мастера многое подумали у народа и создали на народной основе свои непреходящие ценности.

Меткое слово, произнесенное любимым героем, и теперь широко идет в народ. Мы знаем это на примере многих произведений советской литературы. Удочно подмеченное писателем слово может вызвать в жизни тип, навести на интересную мысль. Но как это ни печально, не все заботится о приумножении богатств родного языка. В словаре некоторых молодых белорусских писателей насчитывается, право же, не более нескольких сотен слов. Отсюда — серая словесная ткань, штампованные выражения, бедная образность.

Литература по роду его работы приходится встречаться с людьми разных профессий, занимающимися умственным и физическим трудом. Из каждой такой встречи пытливым писателем неизменно извлекается нечто обогащающее его и в дальнейшее использует в той или иной форме. Хорошо бы в этих случаях записывать биографии, записывать просто, без всяких «литературных» претензий. Я убежден, что, зная мы биографии наших современников, участников Октября, воинов, прошедших просторы от Волги до Одера, белорусских партизан, строителей Сталинграда, рабочих, львоводов, доярков, — получили бы каталогическую поучительную книгу. В ней отразилась бы и приметы времени, и романтика подвига, и наши созидательные будни. И, может быть, надо серьезно подумать над этим начинанием, которое представляется мне очень значительным.

Каждый писатель, молодой и немолодой, приобрел бы таким путем ценнейший опыт большого, много и хорошо поработавшего поколения советских людей. Эти люди пока не вошли в наши произведения во весь рост. А создать правдивый и полноценный образ современников — наша основная задача.

Якуб КОЛАС

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 119 (3464)

Четверг, 6 октября 1955 г.

Цена 40 коп.

Эдуард КЛАУДИУС, немецкий писатель

Урожай собран. Но паутине в зарослях и на придорожных кустах чувствуется приближение зимы. Вскоре опадет листва, над страной пронесутся осенние штормовые ветры. И все же в эти октябрьские дни кругом весна...

Государственный праздник республики — первой республики на немецкой земле, принадлежащей рабочим и крестьянам, — дата, всегда полная глубокого смысла для жизни людей и государства, для его экономики и культуры. Но особенно ощущается это сегодня, в дни шестилетия образования Германской Демократической Республики: совсем недавно Правительство СССР предоставило ГДР полный суверенитет. Этот акт имеет для нас историческое значение. В сознании масс глубоко запечателось не только то, что контрольные советские органы в Германии сложили с себя все полномочия, передав их правительству немецкого народа, но и то, что наш рабочий класс и крестьянство почувствовали свою зрелость.

Десять лет, прошедших после окончания войны, десять лет огромных усилий, десять лет коренных преобразований страны, десять лет строительства и реконструкции изменили наш народ. И теперь, когда он стал хозяином своей судьбы, когда он сам ответственен за все, что будет создано его волей и его руками, увеличился и его творческий порыв. Рабочий класс и трудовое крестьянство, на которые опирается наше государство, сообщают ему новый импульс для дальнейшего подъема. Все больше людей ставят заботы о делах республики, и все, что будет затрачено на их развитие, они будут считать своим кровным делом. Так возникает новое качество подлинно народной демократии. Мелкие, а подчас и довольно существенные недостатки государственного аппарата удаётся преодолеть, вся наша государственная система будет укрепляться день ото дня. Наше государство неразрывно связано с народом, это государство, единственное стремление которого — служить народу.

Народное хозяйство ГДР, предприятия тяжелой и легкой промышленности работают в истекшем году с большим напряжением не только для лучшего обеспечения народа предметами широкого потребления. Большие усилия — и они увенчались успехом — были приложены к

И ОСЕНЬЮ — ВЕСНА!

тому, чтобы трудиться по-хозяйски, экономично, чтобы дать государству, осуществляющему громадные затраты, соответствующие доходы. Период реорганизации нашей экономики уже давно завершился, и в этом году, когда истекает срок первого пятилетнего плана, промышленный организм республики покоится на прочном фундаменте, позволяющем решать еще более крупные задачи.

Возвигнут металлургический комбинат в Сталинштаде. Химическая промышленность работает на полных оборотах. Изделия нашей всемирно известной машиностроительной и легкой промышленности экспортируются не только в страны демократического лагеря, — непрерывно растет число капиталистических стран, подписавших с ГДР солидные долгосрочные торговые соглашения.

Примечательны успехи, достигнутые нами в судостроении и в области морского рыболовства. Выпуск рыболовных траулеров и сейнеров полностью удовлетворяет наши собственные потребности и сверх этого позволяет принимать иностранные заказы на такие суда. Наш рыболовный флот ведет лов в водах Балтики и Северного моря, заходит далеко на север, в Ледовитый океан. С помощью советских инженеров возникли судостроительные верфи, полностью преобразившие средневековый облик приморских балтийских городов. На побережье ныне — шумная, большая жизнь. Построены первые суда водоизмещением в три и четыре тысячи тонн. Эти корабли уже совершают рейсы в Александрию, а вскоре будут курсировать по еще более дальним маршрутам. Спущен со стапелей первый корабль водоизмещением в десять тысяч тонн; он готовится к плаванию в Калькутту, Шанхай и другие порты Дальнего Востока.

На морских просторах земного шара вскоре можно будет увидеть новые и новые суда под флагом Германской Демократической Республики, ведомые молодыми моряками из рабочих и крестьян. Они учатся управлять своей судьбой и ценят все прекрасное, что может дать наша земля человеку. С уменской смелостью они на тех, кто хочет лишить их всего, что определяет облик человека: самосознания, творческой мысли, активной деятельности, дерзания...

Люди нашей республики стремятся к свершению новых дел. В Восточной Германии находятся самые крупные залежи бурого угля. Уже теперь у нас добывается больше бурого угля, чем в любой другой европейской стране. В последние недели близ Шпремберга начаты разработки недавно открытого месторождения; полностью изменится пейзаж целого района. Новые железнодорожные линии пересекают страну. Сносятся ветхие лачуги бедных деревушек. По примеру первого социалистического города Сталинштада скоро возникнет вторая такая город в районе Франкфурта-на-Одере. Работы рассчитаны на шесть лет. Пока еще проект стройки обозначен по старинному названию местности — «Шварце дунг» («Черная гора»), но настает день, когда будущий город получит название, созвучное величественным переменам, происходящим в этой части республики.

Замечательны успехи, достигнутые республикой в области культуры. С окончанием строительства здания Государственной оперы на Унтер ден Линден в Берлине создан очаг культуры, чье влияние сказывается во всей Германии. Улучшается качество фильмов, выпускаемых «ДФА». Все глубже и сильнее воздействуют эти картины на зрителя, о чем говорят рекордные цифры посещаемости кинозалов. Театр стал в подлинно шиллеровском смысле «моральным учреждением». Республика гордится успехом, выпавшим на долю «Берлинского ансамбля» на международном театральном фестивале, состоявшемся летом в Париже.

В Западной Германии интерес к пьесам Брехта «Баварский меловой круг» и «Матюшка Кураж» исключительно велик, несмотря на препятствия, чинимые властями. В западногерманском городе Франкфурте-на-Майне фракция Христианско-демократического союза местного муниципалитета пыталась добиться официального запрета представления пьес Брехта. Руководитель театра сумел воспротивиться этому вмешательству, и теперь ежедневно спектакли идут при аншлагах.

Несмотря на тяжелые утраты, понесенные немецкой литературой после 1945 года, — за это время умерли Герхард Манн и Томас Манн, Эрих Райнерт и Фридрих Вольф, Рудольф Леонгард и Пауль Рилла, а

Завтра — шестилетие Германской Демократической Республики

совсем недавно скончался Ф. Вайскопф, — возникает литературная, которая отражает новую жизнь и помогает ее становлению.

В ближайшем будущем даст читателям новые произведения Людвиг Рени. Книга Иоганнеса Бехера «Исповедь поэта» играет важную роль в разъяснении эстетических принципов. Трилогия Вилли Бределя «Родные и знакомые» выдержала ряд изданий. Вскоре выйдет в свет книга Ганса Мархвица «Чугун», в которой рассказывается история металлургического комбината «Ост». В связи с предстоящим обсуждением этой книги на съезде писателей, несомненно, развернется горячая дискуссия по некоторым важнейшим вопросам нашей литературы. Книгу Эрвина Штриттматера «Тинко», о судьбе маленького крестьянского мальчика, можно по праву поставить в один ряд с произведениями писателей старшего поколения. Бодо Узе приступает к работе над вторым томом «Патриотов». Молодые писатели растут и стремятся занять свое место в литературе.

Республика наша существует не только между Эльбой и Одером. Она живет в сердцах тысяч и тысяч немцев Западной Германии. Мутные потоки клеветы теперь все меньше и меньше вливают на людей, все меньше и меньше завладевают их взоры. Правду о действительном положении дел в нашей республике, о нашей экономике и культуре невозможно скрыть. Многие тысячи людей переселяются в ГДР на короткий или долгий срок, посещают наши города и деревни. Свидетели новой жизни, размышляющей у нас, они возвращаются домой, став как бы частью нас самих, чувствуя свою принадлежность к нам, свою неразрывную связь с тем, что мы делаем. Вопреки рогаткам и препонам растет единство немецкого народа, и это единство гораздо глубже и сильнее, нежели иногда думают.

Урожай собран. Люди приступили к новому посеву. Паутина в зарослях и на придорожных кустах искрится под лучами золотого осеннего солнца. Вскоре опадет листва, над страной пронесутся осенние штормовые ветры. И все же в эти октябрьские дни кругом весна!

Бернгард БЕНГШ, немецкий писатель

Ганнес Блендер, народный депутат

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Было начало 1950 года. Шло строительство нового стадиона имени Вернера Зеегеншайдера. В баране строилась печь-временка излучала сухой жар, постепенно вытесняя из барака февральский мороз. Был обескуражен перерыв. — Так, — сказал одиозный двадцативосьмилетний парень, — перевернувшись через левое крыло, снизился до 300 метров и в последнее мгновение вырвался подлетел самолет...

И тогда? — прощептал сосед. — И тогда он выгулял свои бомбы, вероятно, на дома лондонских рабочих, — сказал коренастый человек, вошедший в эту минуту в барак. Он остановился у стола и поглядел на всех сидящих. Их было около двадцати, большинство молодых. Это была бригада, принятая из монтажного Ганнесом Блендером, в начале года здесь, на стройке, которую вело народное предприятие — строительная организация «Бау».

Один из них был раньше летчиком-инженером, другой — водителем танка, третий — смертником на управляемой торпедой. И постоянной темой их разговоров была война. Если бы только они сумели с таким же страстным увлечением говорить о мире, о строительстве, о новом бригадном обязательстве, которым они тисцно — вот уже несколько недель — пытались их заинтересовать!

С тех пор как они работали на этой стройке, воздвигали стальные конструкции нового стадиона, они все пытались сблизиться с ними. Иногда они расказывали им эпизоды из своей жизни, об участии в у деревенского кузнца, о больших заготовках в Гамбурге, о партийной работе, о вышках в застенках «СС» в подвале Колумбауза. Говоря о прошлом, они хотели воодушевить их для нового, для настоящего. Они с многим соглашались, но когда он заговорил о бригадном обязательстве, все упорно молчали.

— Пошли, ребята, будем продолжать, — сказал Ганнес. Над стройкой простиралось прозрачное зимнее небо. На смежном участке работа уже началась. Там рабочие частной фирмы разбирали каркас разрушенного бомбежкой здания, стальные конструкции которого должны были пойти на новую стройку. Когда Ганнес со своей бригадой проходил мимо соседней, он остановился и, покачив головой, стал смотреть, как двое рабочих на головокругляющей высоте разбирали мощную ферму.

— Послушай-ка, — обратился он к бригадиру монтажного, стоявшему вблизи, — ваш монтажный кран слишком слаб, он не выдержит фермы, произойдет несчастье. Но бригадир, жилистый человек с морщинистым лицом, равнодушно отмахнулся.

«Проклятое легкомыслие», — ругался про себя Блендер. — Да чего там, просто он идет на риск, — сказал бывший летчик, когда бригада пошла дальше.

Через несколько мгновений раздался оглушительный грохот; сталь была о сталь, кривни унаса наполнили воздух... Когда рабочие отпустили последнюю фиксирующую гайку, ферма повисла, дернулась только на трюсах, кран опрокинулся и увлек рабочих с собою вниз. Один рабочий был мертв, второй — тяжело ранен.

Вечером в баране сидели дольше, чем всегда. Все было подвешено, неразговор...

чины, страх еще сковывал их. И в этот вечер Ганнес убедил своих ребят принять бригадное обязательство. Сначала договорились только по одному пункту: каждый обязывался, работая на этой стройке, устранить угрозы даже самых незначительных аварий. Но это послужило основой другим, куда более важным обязательствам, которые Ганнес и его бригада дали позже, работая на строительстве Сталин-алле.

Правда, к тому времени и бывший летчик-инженер, и бывший водитель танка, и все остальные члены бригады Ганнеса стали другими людьми.

ЭТАЖНЫЙ КРАН

Сталин-алле в ту пору, в 1952 году, была проветрив — проверкой на мужество, ответственность и настойчивость, полем высокого трудового напряжения.

Мысль о создании этажного крана, такого крана, который, помещаясь внутри стройки, мог бы самостоятельно поднимать с этажа на этаж, овладела Ганнесом Блендером еще тогда, когда строили высотный дом на Веберштрассе. И когда он все-таки соорудил кран, соорудил вопреки добродушным шуткам и злым насмешкам, на всем протяжении обширной Сталин-алле не нашлось никого, кто захотел бы использовать этот кран на своем строительном участке. Все прорабы и инженеры уклонялись, они не верили, что бывший кузнец может создать что-либо стоящее, хотя бы он и работал уже многие годы бригадиром монтажников.

Тан продолжалось, пока однажды в заседании, которое первоначально не имело никакого отношения к крану Ганнеса Блендера.

— Подслушайте, и сразу три! — Майвальд, технический директор строительного участка, вознил свою ручку в палку с та-

кой яростью, что обломился кончик пера. — Будь же рассудителем, Риттер, — уговаривал на молодого стройного прораба сектора «С-Юг», — у нас нет ни одного лишнего подъемника. Приходи через восемь недель, тогда посмотрим...

Фриц Риттер насмешливо поклонился. Благодаря понорко за совет, Майвальд, но через восемь недель мы хотим все закончить. — Да, и вы закончите! — внезапно вмешался Ганнес Блендер, сидевший у окна в стороне от стола, за которым шло совещание. Он грузно поднялся с места, его широкая тень протянулась по столу. Медленно, несколько неуверенно заговорил он: — Если у тебя есть смелость, Риттер, ты возьмешь к себе на «С-Юг» мой этажный кран; он заменит тебе больше чем три подъемника.

— Никто не может гарантировать, что все пройдет благополучно, — предостерегающе заявил главный инженер.

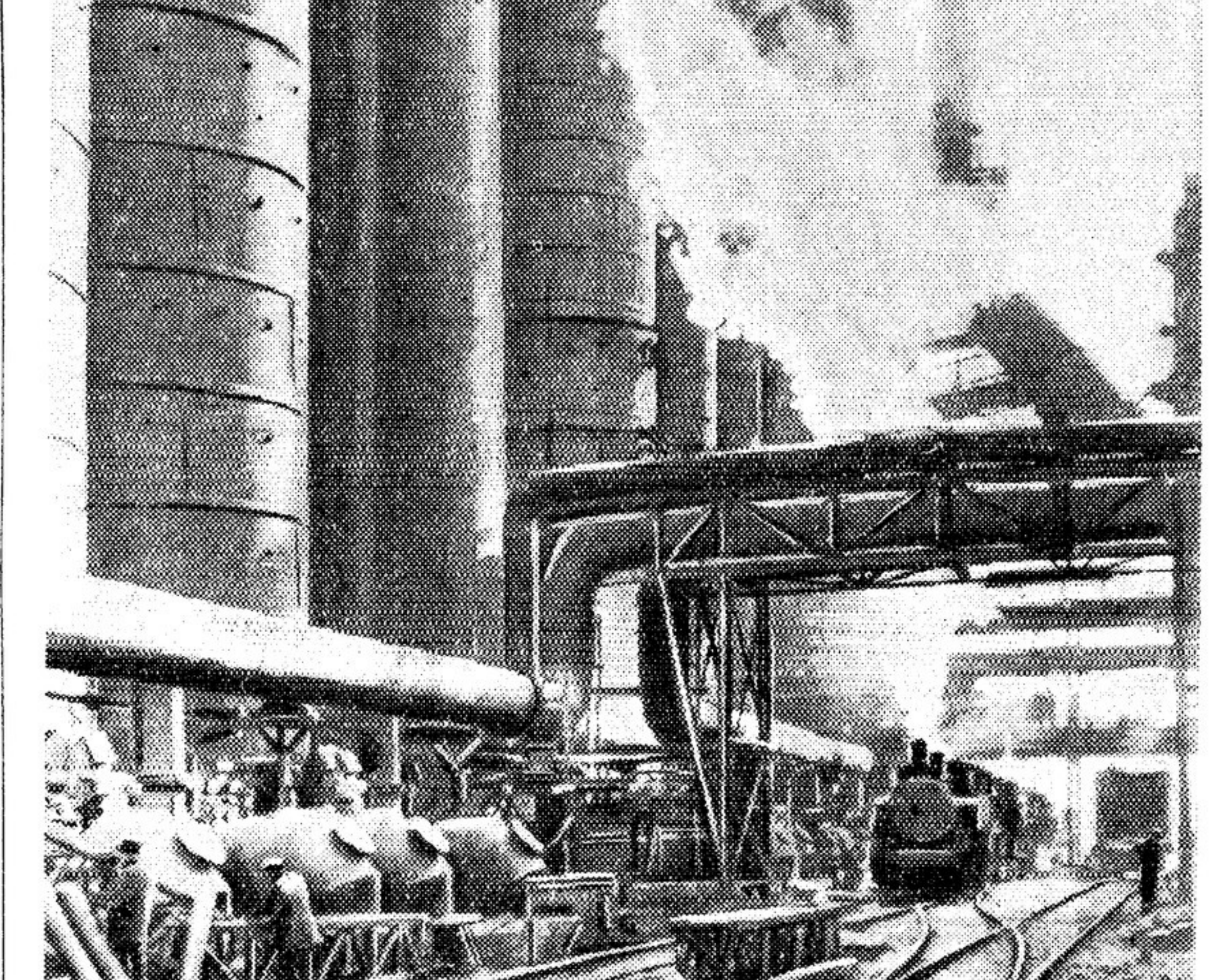
— Нет, я гарантирую! — настаивал Блендер. Он спокойно выдержал испытующий взгляд Риттера и внезапно повествовал: этот парень решится, у него достаточно смелости.

Тем же вечером Риттер и Блендер привели кран на грузовике. Они забрали его с сектора «Север», где он валился в мусоре, выброшенный на свалку «мудрыми» специалистами.

Блендер ласково поглаживал стальную раму своей большой отрубленной задницей. — Слушай-ка, — сказал Блендер, — ты должен заботливо обращаться с моим краном, он нежная штука, но силнее у него, как у медведя.

И в ту же ночь кран установили в секторе «С-Юг». А с утра он уже действовал, воруясь уверенно и размахисто, влад с общим ритмом работы. На его вершине плескался красный флаг.

Ганнес и перед этим уже был активистом, но за кран ему было присвоено звание «заслуженного изобретателя».

Около молодого города Сталинштада трудящиеся Германской Демократической Республики в короткий срок создали один из самых крупных металлургических комбинатов Еврочи. Снимок из немецкого журнала «ДДР им дурфау».

«DRP A 960 520»

Сразу же скажем — этими буквами и числами был отмечен два года тому назад официальный патент на «раскрыватель мешков». Так называется небольшое, но очень полезное устройство, с помощью которого связана своеобразная история.

Как бы странно это ни прозвучало, но тем не менее, если бы Ганнес Блендер не избрал в 1950 году в Народную палату, если бы он в качестве депутата не поехал однажды в деревню близ Гревесмюлене, чтобы выступить там на собрании, то сегодня не существовало бы и патента «DRP A 960 520».

А произошло вот что. Собрание должно было состояться вечером. Ганнес приехал вскоре после полудня, так как в подобных случаях он любит предварительно ознакомиться с местом, поговорить с людьми, посмотреть на государственные и кооперативные хозяйства, провести учителя в школе, а то и пастора в его доме. На этот раз уже вскоре после приезда он услышал, что в деревне дела идут плохо. Все жаловались на недостаток рабочих рук.

«Рабочие руки, — подумал Ганнес. — Новые большие верфи на побережье потребовали множества рабочих рук. Никогда еще в Мекленбурге не работало столько, сколько сейчас... И столько хозяйство нужно механизировать».

Думая об этом и подбирая формулировки для своего предстоящего выступления, Ганнес шел по улице деревни. Он задержался перед открытыми воротами сарая. Восемь крестьян, разделавшись сарай, наполовину мешки убрели. Один сыпал, другой держал мешок. Это продолжалось, видимо, уже несколько часов. Но ту же работу могли бы, по сути, делать четыре человека, если бы...

... Знаете что, — сказал Ганнес, обращаясь к крестьянам, — я сделаю для вас кое-что... Сделаю вам такую штуку, чтобы держала мешок раскрытым.

А когда он сидел в машине, увозившей его обратно в Берлин, он уже видел перед собой раскрыватель мешков с опорной рамой и верхним колесом, с закрепляющей гайкой и зажимным приспособлением. Именно таким, каким его сегодня можно увидеть во многих деревнях.

В последующие дни в цехах и бюро Берлинского народного предприятия «Штауль унд Монтажебау» которым в это время уже руководил Ганнес Блендер, можно было услышать об удивительных событиях. После своего возвращения из деревни новый директор предприятия стал все чаще по вечерам бывать в цехе и там у горна мастеров какой-то стояк из круглого железа. Он приходил туда либо сразу же после работы, либо забегал в перерывах между заседаниями, на которых вел переговоры с турками, шведскими или финскими фабрикантами о поставках и монтаже производственных зданий, кранов, стальных конструкций куполов или радиомачт.

Когда были изготовлены первые образцы раскрывателя мешков, Ганнес велел снарядить грузовик и отправить их в ту самую деревню, близ Гревесмюлене.

Это может показаться мелочью. Но даже такие мелочи убедительно доказывают, как хорошо, что у нас депутатом Народной палаты может быть кузнец.

БЕРЛИН, 5 октября. (По телеграфу).

В Союзе писателей СССР

На очередном заседании секретариата правления Союза писателей СССР...

Утверждена единая программа пленума и совещания молодых писателей...

Второй день будет посвящен приемом докладов. Затем начнется четырехдневная работа семинаров молодых писателей...

В дни всесоюзного совещания для его участников будут организованы встречи с руководителями издательства...

В Киеве начал свою работу семинар по кинодраматургии для писателей Украины, Белоруссии и Молдавии...

Другая группа московских писателей выедет в ближайшее время на Украину для участия в республиканском совещании молодых писателей...

Памяти Сергея Есенина

В 1915 году Александр Блок писал Сергею Есенину: «Путь Вам может быть предосторожен, и чтобы с него не сбиваться, надо не топтаться, а нервничать...»

Автограф этого письма лежит под стеклом на выставке, устроенной в Государственном литературном музее...

Много людей пришло на этот вечер — гораздо больше, чем мог вместить зал. Всем хотелось услышать горячие и серьезные слова о творчестве этого замечательного русского поэта...

С воспоминаниями о Сергее Есенине на вечере выступили В. Казин, А. Гатов, сестра поэта А. Есенина и другие.

Сегодня, под председательством С. Шпачева, в помещении Политического музея состоится организованный Союзом писателей большой вечер, посвященный творчеству С. Есенина.

У литераторов Мордовии

В Саранске состоялось обсуждение произведений молодого мордовского писателя Ф. Атиянина...

Своими мыслями о творчестве Ф. Атиянина поделились критик А. Маскаев, автор стихов для детей П. Машкинцев, писатели А. Кременской, А. Карасев, И. Воронин, Н. Эркай, Н. Илюхин и другие.

И. ЧИГОДАКИН

САРАНСК

Надзиратель или воспитатель?

Владимир МИХАИЛОВ

Как-то утром мы встретили воспитательницу общешкольного объединения Ану Федоровну...

Она была скромна: «Ничего».

Отметки у тебя какие? За пятерки я тебя похвалю, а за тройки хвалить нельзя...

Она разговаривала с ним, как с ребенком. Как же она — воспитатель, значит, он воспитуемый?

А перед ней стояла двадцатипятилетняя женщина с большим, но далеко не во всем положительным жизненным опытом...

Приходилось ли вам встречать счастье, которому все в человеке кажется простым и ясным?

Воспитатель, не признающий сложного, конечно, не может допустить мысли о возможности истинного перерождения дурного и доброго в одном человеке...

Разумеется, очень легко, зная Сашу по поверхности, — хвалить его, узнав его несколько обстоятельней — обвинять, выясняя же и дурное и хорошее в нем...

Очень легко назвать Сашу циничным, Николая Баталина — веселым, моего соседа по комнате Валюка Соколова — скромным...

Очень легко сказать: «Саша, ты циник».

Очень легко сказать: «Саша, ты циник».

Очень легко сказать: «Саша, ты циник».

Очень легко сказать: «Саша, ты циник».

Очень легко сказать: «Саша, ты циник».

Очень легко сказать: «Саша, ты циник».

Очень легко сказать: «Саша, ты циник».

Очень легко сказать: «Саша, ты циник».

ДОБРОГО ПУТИ! МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

«Вы не можете себе представить, какая радость охватила меня, когда я увидел свое стихотворение напечатанным в журнале...»

Так или несколько по-другому, но всегда горячо, пишут молодые поэты, ставшие своей первой встречей с читателем...

Трудно определить точно те приметы, по которым угадываешь талантливость молодого автора...

Именно такое чувство ответственности, требовательности к себе, отличает первые книги для детей молодого ленинградского поэта Екатерины Серовой...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Вот и писатель иногда в своей книге не идет дальше такого «троллейбусного» знакомства с детьми...

Ц В Е Т Ы

Был погожий летний день, солнце пригрело, и от самолета тень по земле бежала.

Без дороги, прямо, по бурям и ямам, через воду и песок, через поле и лесок.

Где еловые иглолки задремали на весу, или одной иглолки с елки не стирнула тень в лесу.

Потому что легче тени ничего на свете нет.

Их видимо-невидимо, Не считайте их! И кто их только выдумал — Веселых, голубых?

Должно быть, оторвали От неба кусочек, Чуть-чуть поколдовали И сделали цветок.

Возле дома, у тропы, Он стоит открыто, Крепкий стебель да шипы Вот его зацвела; Если схватят удаляца, Будет драться до конца!

Е. СЕРОВА

Пески в пустыне — там и тут, Пески на всем пути, И львиный маленький верблюд Способен здесь пройти.

Его не нужно торопить И брать в дорогу плет, Он раз в неделю может пить, А много дней терпеть.

Давно живут в пустыне той, Где так почете труд, Верблюд большой, верблюд меньшой И маленький верблюд.

Когда погоним, не спеша, Несет верблюдом клад, С дороги сбился караван, Идя на юг к реке, Воды осталось со стакана В последнем бурдюке.

Б. МЕТИН

на ручных часах «Победа» увидел, который час!

«Бинокль» — первое стихотворение Ю. Коринца для мальчиков («Музыка», № 9, 1955 г.).

Правильно поступил молодой поэт, отправившись во время студенческих каникул в пионерский лагерь — не в творческую командировку, а работать пионером.

Новые кадры поэтов выдвигает сама жизнь, в детскую литературу приходят люди разных профессий.

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Т Е Н Ь

Был погожий летний день, солнце пригрело, и от самолета тень по земле бежала.

Без дороги, прямо, по бурям и ямам, через воду и песок, через поле и лесок.

Где еловые иглолки задремали на весу, или одной иглолки с елки не стирнула тень в лесу.

Потому что легче тени ничего на свете нет.

Их видимо-невидимо, Не считайте их! И кто их только выдумал — Веселых, голубых?

Должно быть, оторвали От неба кусочек, Чуть-чуть поколдовали И сделали цветок.

Возле дома, у тропы, Он стоит открыто, Крепкий стебель да шипы Вот его зацвела; Если схватят удаляца, Будет драться до конца!

Е. СЕРОВА

Пески в пустыне — там и тут, Пески на всем пути, И львиный маленький верблюд Способен здесь пройти.

Его не нужно торопить И брать в дорогу плет, Он раз в неделю может пить, А много дней терпеть.

Давно живут в пустыне той, Где так почете труд, Верблюд большой, верблюд меньшой И маленький верблюд.

Когда погоним, не спеша, Несет верблюдом клад, С дороги сбился караван, Идя на юг к реке, Воды осталось со стакана В последнем бурдюке.

Б. МЕТИН

на ручных часах «Победа» увидел, который час!

«Бинокль» — первое стихотворение Ю. Коринца для мальчиков («Музыка», № 9, 1955 г.).

Правильно поступил молодой поэт, отправившись во время студенческих каникул в пионерский лагерь — не в творческую командировку, а работать пионером.

Новые кадры поэтов выдвигает сама жизнь, в детскую литературу приходят люди разных профессий.

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

Чудесам просто нет конца: герой стихотворения

С Н Е Г

Ему вдогонку говорят: — Лети туда, где жуежи!

Зачем ты, снег, пришел в Москву? Нужнее ты в колхозе! Укрой уходящую траву, Укрой в поле озимь!

А если станем мы грустить о снеге по привычке, придем с лыжами гостить к тебе на электричке.

Ю. КОРИНЕЦ

Верблюды шли едва-едва, А путь был очень крут, Но все же шли и старших два И маленький верблюд.

Любые трудные дела Лишь дружным по плечу, И дружба их не подвела — Они пришли к ручью.

Стоят в тени листья густой И жадно воду пьют: Верблюд большой, верблюд меньшой И маленький верблюд.

Б. МЕТИН

Верблюды шли едва-едва, А путь был очень крут, Но все же шли и старших два И маленький верблюд.

Любые трудные дела Лишь дружным по плечу, И дружба их не подвела — Они пришли к ручью.

Стоят в тени листья густой И жадно воду пьют: Верблюд большой, верблюд меньшой И маленький верблюд.

Б. МЕТИН

Верблюды шли едва-едва, А путь был очень крут, Но все же шли и старших два И маленький верблюд.

Любые трудные дела Лишь дружным по плечу, И дружба их не подвела — Они пришли к ручью.

Стоят в тени листья густой И жадно воду пьют: Верблюд большой, верблюд меньшой И маленький верблюд.

Б. МЕТИН

Верблюды шли едва-едва, А путь был очень крут, Но все же шли и старших два И маленький верблюд.

Любые трудные дела Лишь дружным по плечу, И дружба их не подвела — Они пришли к ручью.

Стоят в тени листья густой И жадно воду пьют: Верблюд большой, верблюд меньшой И маленький верблюд.

Б. МЕТИН

Верблюды шли едва-едва, А путь был очень крут, Но все же шли и старших два И маленький верблюд.

Любые трудные дела Лишь дружным по плечу, И дружба их не подвела — Они пришли к ручью.

Стоят в тени листья густой И жадно воду пьют: Верблюд большой, верблюд меньшой И маленький верблюд.

Б. МЕТИН

Верблюды шли едва-едва, А путь был очень крут, Но все же шли и старших два И маленький верблюд.

Любые трудные дела Лишь дружным по плечу, И дружба их не подвела — Они пришли к ручью.

Стоят в тени листья густой И жадно воду пьют: Верблюд большой, верблюд меньшой И маленький верблюд.

Б. МЕТИН

Верблюды шли едва-едва, А путь был очень крут, Но все же шли и старших два И маленький верблюд.

Любые трудные дела Лишь дружным по плечу, И дружба их не подвела — Они пришли к ручью.

Алексей Диний

Тяжелую потерю понес советский театр. Умер Алексей Денисович Диний — замечательный и неповторимый художник, создавший на протяжении своей жизни множество великолепных произведений в театре и в кино...

На протяжении всей истории советского театра неотомимое и верно молодое творчество Динио являлось примером неуловимости впереди, постоянным движением вперед, поисками неизведанного.

Диний был настоящим, сверкающим талантом и очень рано снискал всеобщее признание. Такие его работы, как образ Амана Платова в «Блохе», сохраняются в памяти у каждого, кому удалось это увидеть.

В зрелые годы своего творчества Диний создал в кино образы Кутузова, Наполеона, Жюльена в роли И. В. Сталина в фильмах «Третий удар» и «Сталинградская битва».

В каждой роли, в каждой постановке Алексей Денисович замечательно находил и раскрывал глубокое содержание, облекая свою работу в острую театральную форму.

Признание и успех не успокаивали его. Слишком многое хотел он сказать людям, щедро делился с окружающими неисчерпаемыми запасами творческой энергии, замыслами, планами. Опубликованные в печати за день до его смерти мысли о сценическом воплощении пушкинского «Бориса Годунова» являются ярким свидетельством того, что он ушел от нас в расцвете творческих сил, неисчерпаемых и незрасходованных, что смеялся, ищущая мысль не покидала его и во время длительной болезни.

Дважды встречался я с Алексеем Денисовичем в совместной работе — в 1927 году на постановке «Человек с портфелем» Файко в бывшем театре Революции и через 24 года при постановке «Бедность не порок» в Театре киноактера — и навсегда сохранил память об этих встречах, которые приносили огромную пользу всякому, кто работал рядом с Динио, которые учили бескомпромиссному подходу к искусству, защите своих убеждений и своей точки зрения.

Большую ценность представляет литературное наследие Динио, его статьи о театре, всегда конкретные, всегда идущие от живого искусства, чуждые той схематике, в которую нередко впадают театральные деятели, переходя от практики к теории.

Опыт Динио поможет молодому поколению советского театра, и особенно будущим режиссерам, понять и ощутить, как надо любить искусство, сколько неизведанных горизонтов таит оно в себе, как надо бороться за то, что во него веришь, и с теми, кто несет в театр равнодушие и тоску.

Нам, друзьям и соратникам Алексея Денисовича, надо помочь молодым узнать, каким был и остается для нас Диний.

Н. АКИМОВ

ИЗДАНО В КИЕВЕ...

КИЕВ. (Наш корр.). Издательство Союза писателей Украины «Радянський письменник» выпустило в текущем году ряд новых произведений украинских литераторов.

Жизни колхозного села посвящены романы «Перед жаткой» Ю. Збанковича и «Навстречу судьбе» И. Цюпы, повесть «Зеленое море» В. Березюка и книга рассказов С. Журавича «Большой разговор». О героических делах советских воинов в годы Отечественной войны рассказывает повесть Ю. Черного-Давленко «Сказание о первом взводе». Е. Кротевич в романе «Над Сланцием-Днепром» и А. Хижак в романе «Дядя Галицкий» (новая, переработанная редакция) разрабатывают исторические темы.

Знакомая читателей с первыми произведениями новых авторов, издательство опубликовало романы В. Симковича «Маяк», рассказы «Сны моря» Д. Мищенко и книгу рассказов Н. Олинички, а также книги стихов «Дальние дороги» Ю. Герасименко и «В дороге» И. Квитченко.

Среди поэтических произведений наибольший интерес вызывают книги стихов М. Рыльского «Сад над морем» и Л. Дмитренко «Преобразование мира», поэмы «Вильский улик» П. Дорошко и «Вестники свободы» Г. Плоткина.

Агния БАРТО

Секретарь комсомольской организации механического цеха Трубицын увидел меня еще больше:

— Рыжкович жеман? Первый раз слышу. На работнице нашего завода? Не знал, не знал...

Действительно ли он не знал или постеснялся сказать, что знает да позавыл, это дело его совести. Но пощады мы с ним шли к начальнику цеха, он как бы оправдывался, упорно втолковывал мне:

— Какой Рыжкович комсомолец! На собрание не затишешь. Да что говорить, у него и в профсоюз за несколько месяцев не платили, и рабочий он неважный — квартиры переселенкам надо давать, а не таким...

Однако в разговоре с заместителем начальника цеха выяснилось, что дурного за Рыжковичем не значится: рабочий он неплохой. Для меня так и осталось непонятным: то ли равнодушие комсомольской организации цеха к своему товарищу объясняется его пассивностью, то ли его пассивность порождена этим равнодушием. Ясно одно — воспитатель общешкольного объединения был лицом созерцательным.

Но знаю, как и какими методами следует воспитывать Тасю и Михаила Рыжковичей, но нет сомнения, что прежде всего им нужны просто дружеская помощь, человеческая теплота и участие. Внимание, чуткость к человеку — это тоже великий воспитатель, способный больше облагородить характер, чем тысячи холодных абстрактных слов. И даже очень хорошие слова, сколько бы их ни говорил воспитатель общешкольного объединения, остаются пустым звуком для людей, вливающих его бессильно что-либо изменить в их жизни. Вот почему если уж считать, что в рабочем общешкольном объединении нужен воспитатель, то пусть это будет не просто человек, занимающий ради формальности существующую должность. Только полное признание должно определять его право, а признание не выясняется ни анкеты, ни образовательным цехом.

Найти человека с призыванием не легко. Это требует от общешкольных организаций завода настойчивости и больших усилий.

— Какая там свадьба! Вот вышли посмотреть в этой комнате с девушками — и вся свадьба. Мы ведь не злые: я — из Миски, Тася — с Курганской области. А что женился я, знаю в цехе, столько раз писал заявления — квартиру просил. Но, однако, никто ни разу не пришел поглядеть на нашу семейную жизнь, никто не поинтересовался — ни начальство, ни ребята из комсомольца. Я ведь уже много лет в комсомольце — вот и обидно, что никому в цехе и дела до меня нет...

Еще бы не было обидно! Мне это покажется не только обидным, но и страшным. Откуда такое безразличие к молодой, только что сложившейся семье?

— Когда я пришел к Рыжковичам посмотреть, как живет молодая семья, то заметил мужа мрачно нахмуренным, жену с заплаканными глазами. Это походило на семейную ссору. Однако оказалось, что причина дурного настроения иная.

Минут за двадцать до моего прихода в их комнату, как всегда без стука, ворвалась Любовь Григорьевна Казакова — командант. Настраена она была агрессивна:

— Кровать ваша нестандартная есть стоит? Я ведь приказала выкинуть ее... — Буда же мы выкинем? — робко воз-

Илья ЭРЕНБУРГ

В Миргороде

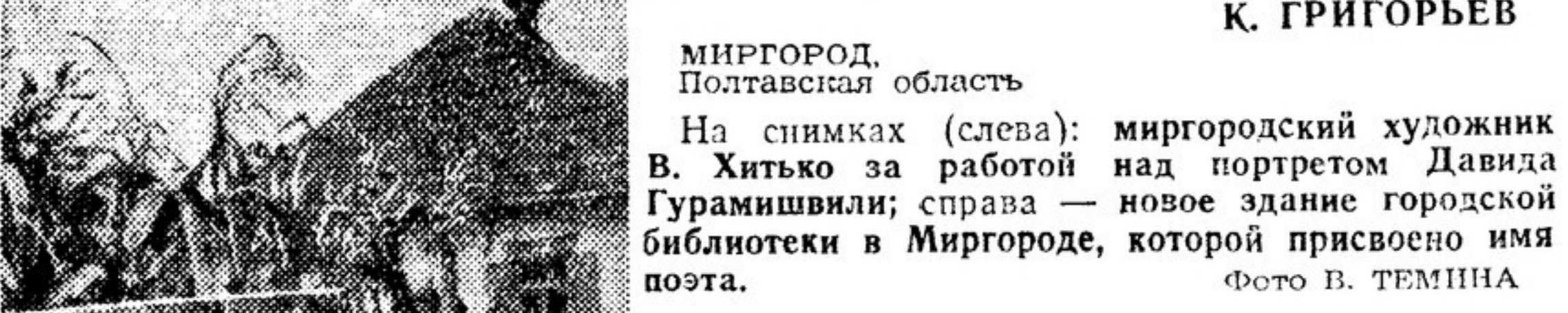
В 70-х годах XVIII столетия в Миргороде поселился выдающийся грузинский поэт Давид Гурамишвили...

Общественность Миргородского района готовится к 250-летию со дня рождения Давида Гурамишвили...

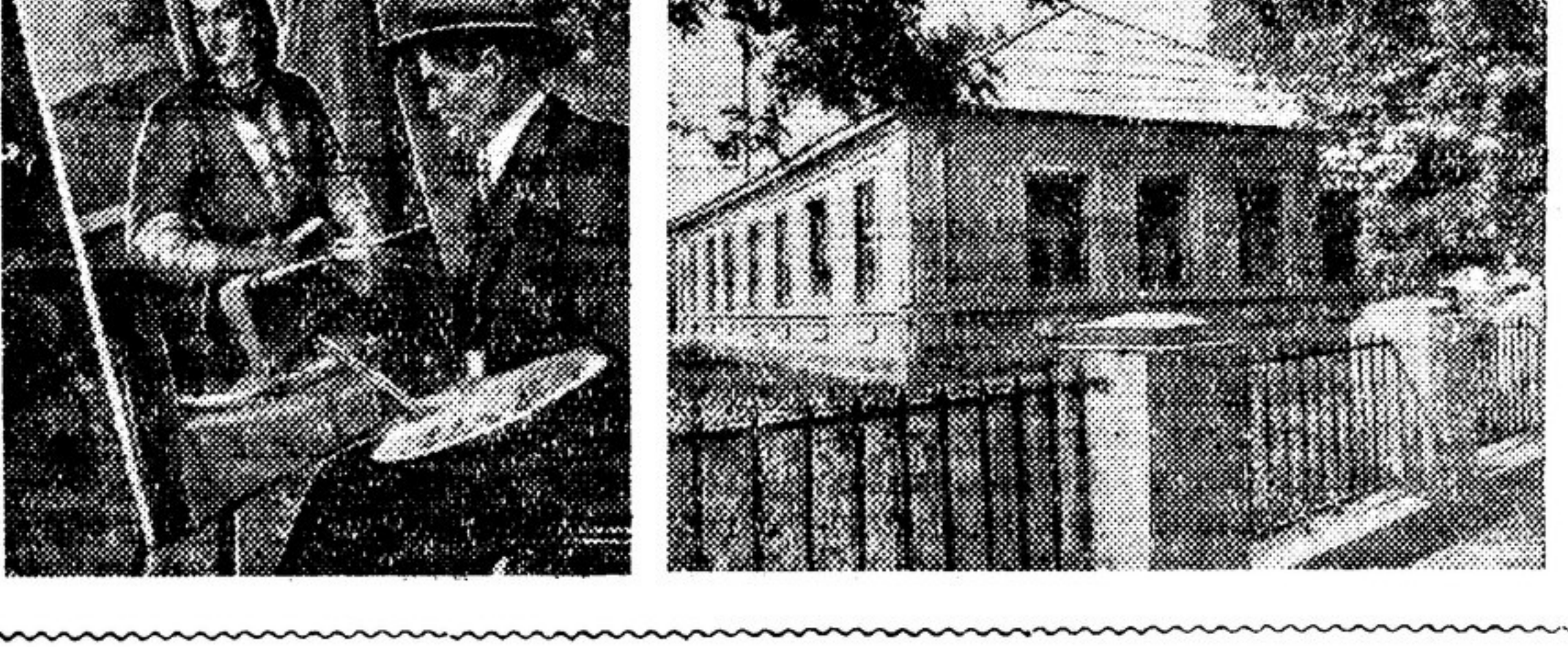
В центре города, напротив Миргородского завода лечебно-минеральных вод, закончено на днях сооружение нового здания...

К юбилею готовятся также местные художники и скульпторы...

В октябре в Миргороде состоится общегородское торжественное собрание...

МИРГОРОД. Полтавская область. На снимках (слева): миргородский художник В. Хитко за работой над портретом Давида Гурамишвили; справа — новое здание городской библиотеки в Миргороде, которой присвоено имя поэта.

Правдивые рассказы о сельских буднях

Нет ничего удивительного в том, что поэт порой обращается к прозе: многообразные явления жизни, сложные, противоречивые характеры...

Выступил с циклом рассказов «Письма из деревни Сигелате» и талантливый эстонский поэт Ю. Смуул...

Ю. Смуул и в прозе сохраняет столь свойственное его поэзии активное выражение своего личного отношения к происходящему...

Таков живое авторское отношение особенно интересно и принципиально важно в «Письмах», ибо речь в них идет о столкновении, борьбе двух моралей...

Старик Мартин Пури был несправедливо обижен: ему грубо напомнили о старости, о скорой смерти и сказали, что пора браться за работу...

Итак почти в каждом рассказе автор берет нас деятельно помогать росткам новой морали, разрывая тугой пелену воспитанных аксиоматик...

Хорошо показывает Смуул «выпрямленные человеческой личностью, приобщение ее к свободной, деятельной жизни вместе с коллективом»...

Хорошо показывает Смуул «выпрямленные человеческой личностью, приобщение ее к свободной, деятельной жизни вместе с коллективом»...

Хорошо показывает Смуул «выпрямленные человеческой личностью, приобщение ее к свободной, деятельной жизни вместе с коллективом»...

Хорошо показывает Смуул «выпрямленные человеческой личностью, приобщение ее к свободной, деятельной жизни вместе с коллективом»...

Хорошо показывает Смуул «выпрямленные человеческой личностью, приобщение ее к свободной, деятельной жизни вместе с коллективом»...

Хорошо показывает Смуул «выпрямленные человеческой личностью, приобщение ее к свободной, деятельной жизни вместе с коллективом»...

Хорошо показывает Смуул «выпрямленные человеческой личностью, приобщение ее к свободной, деятельной жизни вместе с коллективом»...

Хорошо показывает Смуул «выпрямленные человеческой личностью, приобщение ее к свободной, деятельной жизни вместе с коллективом»...

Хорошо показывает Смуул «выпрямленные человеческой личностью, приобщение ее к свободной, деятельной жизни вместе с коллективом»...

Хорошо показывает Смуул «выпрямленные человеческой личностью, приобщение ее к свободной, деятельной жизни вместе с коллективом»...

Организаторы «Международных встреч» предложили нам обсудить вопрос о пользе и вреде для развития культуры некоторых изобретений нашего века, как-то: кинематографа, радио-телевидения...

Говоря об опасностях, грозящих культуре, организаторы «Международных встреч», среди прочего, ссылаются на «дайджесты»...

Развитие полиграфии родило тысячи иллюстрированных журналов. Слов нет, слишком многие из них не развивают, а оглушают читателей...

Я должен упомянуть о «комиксах». Мне они кажутся одним из способов принизить читателя. Недавно мне попалось в руки издание романа «Преступление и наказание»...

Наше общество и отергаты те открытия и вытекающие из них возможности, которые принес нам век. Однако мы зачастую слышим, как люди, достойные уважения, ваяют все грехи на свою эпоху...

Мне приходится не раз читать и слышать утверждения, что в жизни, в душевной тьме, в низком уровне многих фильмов или радиопередач, в успехе «дайджестов»...

В советских газетах есть свои недостатки, но в них немало достоинств. Они, например, в отличие от американских и западноевропейских, не ищут о преступлении, в частности о преступлениях, совершенных на почве ревности...

Я привел этот пример, чтобы показать, какую роль и придает социальному воспитанию. Я знаю, конечно, что это дело сложное и требующее времени...

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

эпоху, одной из самых отвратительных. Мне думается, что не вкусы публики определили своеобразную идеологию деструктивных, гангстерских, светских, военных и воинственных картин...

Если задуматься над несложным содержанием стандартного плохого фильма, то становится ясным, что его мораль совпадает с моралью, которую подносит читателю типичный журналист...

Нельзя говорить о Голливуде, исходя из единственного постулата «спрос рождает предложение». Конечно, кино знало свою «золотую лихорадку»...

Я позволю себе привести суждения Джоржа Дюамеля о стандартной голливудской продукции. Правда, эти строки написаны им давно, но если изменить некоторые установившиеся характеры кино, о котором он писал...

Если взять «комиксы», то намерения издателя столь же очевидны. Как известно, «комиксы» рассчитаны прежде всего на детей, на то сознание, которое можно приравнять к воску в руке ваятеля...

Опасность, на которую указывают организаторы нашей встречи, бесспорно существует. Ее можно и нужно устранить. Против этой опасности встают теперь деятели культуры всех стран...

Мне привелось провести несколько месяцев в Соединенных Штатах вскоре после войны. Слов нет, европейцу кое-что там кажется упрощенным, но, по-моему, ошибается те европейцы, которые подхватывают несколько упрощенно к американской культуре...

Известный переводом в общественном мнении Америки, который мы теперь наблюдаем, показывает стремление американского народа к мирному сотрудничеству со всеми народами мира...

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Я остаюсь по-прежнему человеком, представляющим людям, облачающим душу

Документ, прочитанный И. Г. Эренбургом в Женеве на X сессии «Международных встреч», устраиваемых ежегодно при содействии ЮНЕСКО...

В настоящее время перед участниками «Международных встреч» поставлен на обсуждение вопрос о том, представляют ли опасность для культуры различные средства распространения культуры...

или радиопередачи, по и большому количеству газет. Хотя прессе триста с лишним лет и ее никак нельзя отнести к изобретениям нашего века, говоря об опасностях, грозящих культуре, трудно обойти молчаливо растущее влияние значительной части прессы...

Упреки по адресу «дайджестов» могут быть также отнесены к тысячам книг, и хотя книгопечатанию пятьсот лет, говоря об угрозе культуре, нельзя не указать на сочинения, рождающие или укрепляющие расовую и национальную рознь...

Почему в 1955 году вопрос о дурном влиянии многих газет и книг мне представляется актуальным, хотя пресса и книгопечатание существуют века? Потому же, почему организаторы нашей встречи поставили вопрос об угрозе для культуры радио, кинематографа или иллюстрированных журналов...

«Комиксы», о которых я упомянул, — не забавы отдельных испорченных детей: за один месяц в Соединенных Штатах расходуется свыше шестидесяти миллионов этих изданий...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

Можно быть верующим или атеистом, сторонником идеалистической философии или материалистической, отстаивать принципы свободной конкуренции или общестественности орудий производства...

ПУТЬ ВЕЖА

(Окончание. Начало см. на 3 стр.)

какие? Ее прогресс теперь неотделим от ее универсальности.

Есть страны, где массовость и универсальность культуры связаны с самой природой государства, к ним относится и моя страна. Говоря это, я, разумеется, не хочу сказать, что в странах с другой социальной структурой ничего не делается для приобщения широких кругов к культуре. Успехи народного образования, рост числа студентов отмечаются почти повсеместно. Можно назвать ряд общественных начинаний, направленных к расширению культуры, как, например, «Народный театр» во Франции, стенная живопись Мексики, итальянское кино последнего десятилетия, новые способы репродукции живописи, достигшие огромных успехов во Франции, роспись норвежскими художниками общественных зданий, стремление архитекторов Швеции и Голландии облагородить окраины городов, «книжные базары», устраиваемые французскими писателями, благодаря которым романы, даже стихи легче проникают в дома рабочих, и многое другое. Все это не имеет ничего общего с «дайджестами» или с пошлыми кинофильмами: такая популяризация не означает вульгаризацию. Говоря об особенностях нашего века, следует сосредоточить внимание не только на беспорочном ограблении духовного мира киноделами, газетными тиражами, литературными убийствами и растительными, но и на его огромном обогащении, которое всех нас радует и позволяет с надеждой рассматривать будущее.

Я знаю, что некоторых писателей и художников тревожит вопрос, который уже сто лет назад приводил в сматание Флоренца. Признавая, что наш век необычайно расширил базу культуры, они спрашивают, не означает ли такое расширение измельчания, не приведет ли массовость культуры к ее подмене псевдокультурой.

Некоторые из людей, разделяющих эти опасения, ссылаются на пример моей страны, говоря, что дворянская Россия, в которой культура была достоянием немногих, дала миру Толстого, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Чехова, между тем как в Советском Союзе нет писателя, равного Толстому; они осуждают тот или иной советский фильм, ту или иную выставку. Из своих оценок, которые порой мне кажутся правильными, порой неправильными, они делают заключение, что расширение культуры в Советском Союзе привело к ее падению. Я попытаюсь ответить на такие рассуждения, не внося в наше обсуждение полемического пыла.

Бесспорно, что в Советском Союзе сейчас нет писателя, равного Толстому. Но ведь во Франции, где значительная часть писателей продолжает культивировать литературу для избранных, теперь нет ни Бальзака, ни Стендаля. Попробуем над этим задуматься. Поль Валери, рисуя состояние общества, которое начинает страдать первые симптомы старости, говорил: «Установления еще держатся. Они сильны и величественны. Однако, хотя глаз и не замечает никаких признаков, это только пышные фасады. Их довертели уже выявлены, их будущее втайне опустошено. Их сущность более не священна, или, наоборот, она только священна. Брития и насмешки источают их и закрывают для них будущее. Социальный распорядок мало-помалу умирает. Это час всеобщего наслаждения плодами».

Мне кажется, что Поль Валери был не совсем прав, говоря о наслаждении. Некоторое понижение французской литературы по сравнению с прошлым веком указывает, что в период расцвета того социального строя, который создало третье сословие, плодов было больше и плоды были сочнее. Я думаю, что многих французских писателей смущает именно ощущение пышной видности, за которой нет ничего реального. Кроме того, жизнь той среды, из которой вышло большинство писателей, давно описана, и притом хорошо. Что касается рабочих или крестьян, то большинство авторов знает их либо по книгам, либо по безам канцелярским наблюдениям. Поэтому они авторами пишут об исключительных случаях, доходя порой до патологий, другие ищут героев вне своей страны, третьи заимствуют книги рассуждений героев, не показывая людей, умно или не совсем умно рассуждающих.

Иные трудности встали перед советскими авторами: они не дают пока возможности стать нашей литературе равной литературе наших великих предшественников. Жизнь советского общества находится в процессе строительства, люди быстро растут и меняются, понять и ухватить их во всей глубине значительно труднее, чем узнать и понять людей сформировавшегося, отстоявшегося общества.

Именно поэтому нельзя сравнивать советские романы с «Войной и миром» или с «Анной Карениной». Если же оставить столь неправильное сопоставление, если честно спросить себя, действительно ли советская литература хуже современной французской или английской, то, по-моему, каждый непредвзятый человек ответит: нет, не хуже, порой интересней, кое в чем человечней, поскольку она показывает не исключительные случаи, но замкнутый душевный мир одиночек, но жизнь народа. Конечно, есть немало плохих советских романов. Некоторые зарубежные критики, подчеркивая недостатки таких книг и забывая об удачных советских романах, говорят, что наши писатели будто бы показывают только провинциальную, а не людей, причем делают это примитивно и скудно. Должен сказать, что советские читатели не менее разны, но с несколько большим пониманием критикуют многие книги советских авторов. Что касается темы труда, то она обогатила нашу литературу. Отрицать ее значимость могут только трутни, и не просто трутни, а принципиальные.

Ясно, что в социалистическом обществе труд рассматривается, как нечто первостепенное, как творчество; но и в странах с другой социальной структурой труд получал теперь признание, которого он не знал в прошлые века. Общественная жизнь и частная теперь неразрывно связаны. Если мы возьмем поэтов XIX века, отрывавшихся на большие события в жизни их народов, будь то Гюго, Пушкин, или Гейне, то мы увидим в их творчестве резкое разделение: политические стихи ничего не

говорят о личном мире поэта, а лирические показывают душевные переживания в связи с тем, что происходит за стеной. Теперь в разных странах разные поэты, говоря о бурях нашего века, одновременно говорят и о себе, а в их любовные стихи вливается жизнь народа. Труд и социальные проблемы не могут оставить современного писателя безразличным, если он действительно хочет показать в своих книгах живых людей. Неудачные советские романы, показывающие людей в дехе, в лабораториях или в поле, оставляют читателя холодным, потому что он видит этих людей только в часы работы, и персонажи кажутся ему не объемными, а плоскостными. В неудачном психологическом романе современного французского автора показаны только любовные переживания героя вне их работы, вне среды, и эти персонажи тоже выглядят искусственными. Но говоря о том, как отразился процесс расширения культуры на советской литературе, нужно брать не плохие романы (таковые имелись и прежде), а хорошие — их немало.

В Советском Союзе мы часто спорим о литературе, об искусстве. Одним нравятся живопись А. Герасимова и Лактионова, другим — живопись Сарьяна и Кончаловского. Одни любят романы Леонова, другие предпочитают им произведения Гроссмана. Спорим мы и о кино. Мне, например, нравятся такие фильмы, как «Чапаев» или «Юность Максима», и не нравятся «Падение Берлина». Но если рассматривать советскую кинематографию в плане тех вопросов, которые поставили перед нами организаторы нашей страны, то нельзя противопоставлять фильмам 1945 года фильмам 1935 года. Советское кино дало произведения Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко. Без них трудно себе представить рождение итальянского неorealizma. Хорошие советские фильмы были созданы именно благодаря народному характеру советского искусства, а некоторые неудачи советских кинорежиссеров в послевоенные годы, по-моему, связаны с причинами, никак не вытекающими из этого характера. — с засильем театра на экране и, следовательно, театральной игрой, с выбором исторических тем и с трактовкой современных тем в отходе от реальности.

Имеются жанры, более свойственные тому или иному народу, в них он наиболее полно выражает себя. Мы ценим немецкую музыку, немецкую поэзию, но редко немецкая живопись выходит из суженого мира графики. Мы знаем, что во Франции живописная культура шире, нежели музыкальная. Эти примеры можно было бы продлить. Русский гений наиболее полно выражался в литературе и в музыке. Большие традиции помогли советским писателям и композиторам быстрее, нежели скажем, живописцам, овладеть новым человеческим материалом. Все это, конечно, спорно и остается моим личным мнением. Одно бесспорно — романы Гроссмана или Некрасова, Пановой или Казакевича, ни музыка Шостаковича или Хачатуряна никак не свидетельствуют о том принижении культуры, которого страшатся некоторые представители западной интеллигенции.

Мне трудно говорить о науке — это слишком далеко от моей работы и превышает мои познания. Все же следует напомнить, что по отзывам специалистов, советские ученые преодолели большую работу в самых различных областях. Я прочитал во французских газетах, что некоторые западные ученые, участники последней Женевской конференции, были удивлены успехами советских физиков. Я удивляюсь их удивлению: неужели ученые могли поверить, что широкий доступ к высшему образованию вредно отразится на способностях и познаниях химиков, физиков или астрономов?

Бесспорно, в искусстве или в литературе, где нет неопровержимых азов точных наук и где требуется длительная формировка вкуса, воспитание эмоций, процесс приобщения всех к тому, что было делом немногих, значительно сложнее. Однако, будучи сложным, этот процесс уже дал огромные результаты.

Мне претит хвастовство, и если кто-нибудь утверждает, что мы — первые всегда и во всем, это неверно, да и неумно. Я сказал, что Толстой на голову выше лучших из наших современных авторов. Я знаю, что за рубежом живут хорошие писатели, и не стану требовать для моих соотечественников обязательство первых мест. Но я осмелюсь сказать, что таких читателей, как советские, никогда не было и нет ни в одной стране. Я останавливаюсь на этом потому, что это куда больше связано с предметом нашего обсуждения, чем вопрос об удаче или неудаче того или иного произведения.

Первые десять лет после революции мы видели, как миллионы людей, еще незадолго до того неграмотных или малограмотных, начали читать. Они читали залом, книгу за книгой. Они многого тогда не понимали. Перед ними раскрывались огромные богатства культуры. Тиражи сразу подпрыгнули. Все жаловались на недостаток бумаги. Сборники стихов, выходявшие до революции в пятистах экземплярах, печатались в количестве пятидесяти тысяч и тиражи раскупались. Вначале многие из новых читателей, вчерашние папуасы или сплавщики леса, несколько лет спустя воспринимали художественную литературу. Мне, например, приводилось в те годы слышать вопросы, что стало с различными героями романов: спрививавшие полагали, что роман — это точное описание существующих в действительности лиц. Юноши зачастую считали, что они должны сделать из того или иного романа непосредственные выводы, касающиеся их жизни. Все тогда стремилось к познанию, но не все доходило до всех.

С тех пор прошло четверть века, и читатели необычайно выросли. Еще в 1930 году некоторые писатели жаловались мне, говоря, что читатели чересчур примитивно воспринимают их сочинения. Они глядели на читателей свысока. Теперь силовых из рядов читателей смотрит свысока на плохой роман или на несую, где упрощенно показан душевный мир его современников.

Мне привелось участвовать в нескольких читательских конференциях, посвященных моей последней повести. Я искренно вос-

хищался умом, художественным чутьем, душевной тонкостью читателей, среди которых были рабочие и студенты, домашние хозяйки и врачи, инженеры и агрономы. Любая читательская конференция, посвященная любой книге, — на заводе или в университете, в одном из учреждений или в колхозе, — запоминается интересными и глубокими высказываниями.

Читают у нас все, об этом достаточно убедительно говорят тиражи. Читают с разбором.

Недавно одна литературная газета опубликовала данные о том, какие книги за десять последних лет пользовались наибольшим успехом во Франции. Третье место, уступая только «Маленькому труду Камиллы» и роману Клодетт Мару, заняла книга Кравченко «Франция — страна со старой и высокой культурой». Как объясняют, что французы читали охотней Кравченко, нежели Маргана де Гара, Мориака, Сартра, Арагона, Моруа, Дюамеля? Нельзя в этом не увидеть организованного снижения культурного уровня, и, сталкиваясь с такими явлениями, понимаешь, что фарс Сартра «Только правда», несмотря на все преувеличения, свойственные этому жанру, становится почти комедией нравов. Сужение культурной базы чревато опасностями.

Если взять статистику книг, имеющих за те же десять лет наибольший успех в Советском Союзе, мы найдем романы Некрасова, Фадеева, Казакевича, Ажасова, Пановой, Николаевой — книги, разные по темам и по уровню, но все относящиеся не к развлекательной, а к серьезной литературе.

Стоит объявить подписку на собрание сочинений Гюго или Бальзака, Драйзера или Томаса Манна, и с вечера образуется очередь. Стихи Александра Блока, далеко не легкие для восприятия, вышли недавно тиражом в сто тысяч экземпляров и были за два дня распроданы. Приведу несколько цифр. Произведения Бальзака были изданы тиражом свыше пяти миллионов экземпляров. Гюго — около десяти миллионов, Флоренс — миллион семест тысяч, Драйзер — свыше двух миллионов, Теккерей — шестьсот тысяч, Шекспир — почти три миллиона. Романы Голсуорси разошлись в количестве миллиона экземпляров. Недавно вышло шестое издание стихов Уитмена, оно выдано в двадцати пяти тысячах. Причем нужно отметить, что большую часть тиража покупают библиотеки и на один экземпляр часто приходится сотни читателей. Имеются романы, которые вышли в десятки миллионов экземпляров, это означает, что их прочитали буквально все.

Важно, что книги вызывают горячие споры, ими живут. В одном приволжском колхозе, куда я приехал как депутат и где мне говорили о колодах, о тоде, о десе, после делового разговора крестьянки начали меня расспрашивать, почему герой одного из моих романов не увез с собой любимую девушку, оправданы ли его душевные колебания, проявил ли мужество или слабость.

Я расскажу один случай, который показывает, что значат книги для наших людей, хотя я о нем как-то рассказывал в Париже на докладе. Вы, конечно, помните, что пережили жители Ленинграда в годы войны. Вскоре после окончания войны одна ленинградская девушка дала мне свой дневник. Там были горестные короткие записи о смерти близких, о голоде и холоде. Эти сведения прерывались записями о том, что автор дневника ночью читал «Анну Каренину», «Госпожу Бовари», другие книги. Меня это удивило — ведь электричество тогда не работало, не было ни керосина, ни свечей. Я спросил девушку, она мне объяснила, что по ночам вспоминала книги, которые прочитала до войны, и добавила: «Эти мне помогало бороться со смертью». Мне кажется, что книги помогли и помогают советскому народу в трудные часы и что этот народ относится к книгам, как к хлебу.

Итак долго говорил о книгах, потому что, как писатель, чаще всего сталкиваюсь с читателями. Но трудно в Советском Союзе достать билет на любой концерт симфонической музыки, трудно пробиться на выставку индийской живописи, трудно даже попасть на доклад о современном английском театре.

Весной миллионы молодых людей и девушек охватывает лихорадка: поладут ли они в то высшее учебное заведение, куда стремятся. Вы, наверное, знаете, что высшее образование в Советском Союзе доступно всем и что государство дает стипендию учащимся.

Если посмотреть наугад списки диссертаций, которые защищают кандидаты, то можно увидеть многообразие тем, привлекающих молодых советских специалистов: стиль Клемама Море и древнее искусство Египта, китайские портреты эпохи Тан и экономика Южной Африки, Гонгора и архитектура Армении, борьба за научку и цивилизация Майя, диалог Хемингуэя и барокко русского Севера.

Я хочу теперь перейти к некоторым заключениям. Знание как-то сказал, что без работы в античном обществе не было бы ни греческой культуры, ни греческого искусства, которое продолжает нас восхищать. При этом он напомнил, что монополизация культуры привилегиями классами, на известном этапе своеобразившаяся развитием общества, стала впоследствии для него препятствием. Во времена феодализма или в эпоху роста и зрелости третьего сословия культура, оставаясь достоянием немногих, стояла крепко на ногах. Поскольку жизнью народов тогда распоряжались немногие, они могли поощрять науки, покровительствовать искусству. Теперь другие времена, и теперь культура может существовать только как всенародная. Там, где она не становится таковой, обществу грозит духовный застой, одинокие, даже если это общество обладает высокой техникой, комфортом и военной мощью.

Развитие культуры требует всестороннего развития человека. Я вполне согласен с профессором Чикагского университета Биллом, который несколько лет тому назад

* Кравченко — изменение Родина, вышедший книгу «Мемуары», представляющий сочетание бульварного романа с пейзажами. (Ред.)

писал: «Мы удовлетворяемся тем, что формируем только техников. Что такое техник? Это человек, знающий все, что относится к его работе, но не понимающий ни цели этой работы, ни места, которое он занимает в мире». Культура может помочь сделать роботов, это бесспорно; но роботы не могут двигать вперед культуру. Борьба против узкой специализации, за гармоничное и целостное развитие человека — такова благородная цель всех деятелей культуры, вне зависимости от их философских или социальных концепций.

Культура — не музей, хотя, конечно, богатство музеев свидетельствует, среди многого прочего, о культурных стремлениях общества. Говоря, что культура не музей, я хочу этим сказать, что подход любования к культурному богатству, регистрация достигнутого, восторги коллекционера не могут обеспечить рост культуры. Культура и не рента: на проценты с прошлого никак общество не процветает. Нацистская Германия обладала прекрасными музеями; площади, которые служили местом для авто-да-фе книг, порой назывались площадями Геттмана или Канта; почтовые марки для бандеров, в которых рассыпаны расклеванные трактаты, были украшены портретами Гете. Все это не помогло и не могло помешать развитию культуры нации.

Культура не может также находиться в каком-то законсервированном состоянии. Если она не движется вперед, она начинает отмирать. Во времена феодализма художник передавал ученикам тайны своего искусства. Он также старался заинтересовать своей работой не только принца, который покровительствовал искусству, но и наследника этого принца. Теперь развитие культуры может быть обеспечено лишь в том случае, если к ее продвижению будут призваны новые силы и если в ее развитии будет заинтересован весь народ. Культура, дорогая и понятная только избранным, в наши дни обречена: ее может спасти любая социальная неурядица, любая авантюра кучки людей — это не дерево с крепкими корнями, а ломкий цветок, который не потрудился даже подвязать к колышку.

Новое общество, рождающееся в нашем веке, — не слепота. Это общество дорожит всеми культурными ценностями, созданными прежде, потому что оно является продолжением, а не началом, строится на опыте и мудрости предшественников, продолжает в различных областях дело, начатое ими.

Вместе с тем новое общество стремится создать новые формы. Я очень боюсь людей, которые при слове «форма» морщатся и тотчас встают: «Дело не в форме, дело в содержании». Содержание и форма органически связаны, и для развития культуры все люди, искренно стремящиеся к прогрессу, должны искать вдохновения не только в библиотеках и в музеях, но в жилой жизни. Рутинка, академизм, энигматизм, стилизация, слепое подражание старым образцам, как бы высоки они ни были, в наш век, когда общество меняется и к культуре приобщаются новые глубокие пласты народов, куда опасней любого самого дерзкого искания.

Нас могут разделять философские и социальные концепции, но все мы равно заинтересованы в судьбах человеческой культуры. У нас много общих тревог, общих чаяний, общего дела.

Мне кажется, что теперь, когда спадает нездоровый жар «холодной войны», пора перестать резать человеческую культуру на зоны и пояса. В самое трудное время — пять лет назад, я неоднократно говорил об общности культуры, о невозможности противопоставить «западную культуру» «восточной». Я надеюсь, что всем понятна связь Андрея Рублева и Джотто, Толстого и Стендаля, Эйлера и Ломоносова.

Признание важности национальных особенностей не должно толкать к национальной обособленности, как признание важности индивидуума не должно обрекать на себялюбивый и бесплодный индивидуализм. Развитие культуры в наш век требует активного международного сотрудничества. Различные научные конгрессы и недавняя конференция, посвященная мирному использованию атомной энергии, показали, как много может дать совместная работа ученых различных стран.

Советские люди радуются тем перспективам культурного обмена, которые теперь становятся более реальными. Мне очень хотелось бы, чтобы мои соотечественники послушали итальянскую оперу, познакомились с замечательной французской живописью XX века, с архитектурой и прикладным искусством Швеции, с искусством Мексики, со всем тем прекрасным, что создано и создается за рубежом. С другой стороны, советская культура может во многих областях обогатить другие страны. Я говорил о зловредном влиянии «коммунизма». Разве не было бы полезным устроить выставку советских книг для детей? В них, право же, нет ни воспитания преступности, ни разжигания ненависти, ни насладения дурного вкуса. Можно было бы показать и многое другое, думаю, не без пользы.

Огромные возможности, которые предоставляют нам изобретения века, должны быть направлены на приобщение народов к культуре, на воспитание в них трудолюбия, как творческой необходимости, а не вольной морали, братства, а не расизма или слепого самообожания. Те изобретения, на которые указывают устроители нашей встречи, приносят теперь и пользу и вред. Они приносят вред, поскольку находятся в руках ограниченных кругов, преследующих свои корыстные интересы. От совместных усилий всех мыслящих людей, всех людей, понимающих свою ответственность за будущее культуры, зависит, чтобы завоевания человеческого гения служили только прогрессу и счастью человечества.

Теперь много говорят о страстности. Человеческий разум достиг таких успехов, что становится реальной перспективой обострения других планет. Неужели этого разума не хватит для того, чтобы оздоровить, облагородить, украсить небольшую планету, именуемую Землей?

В ТОКИО

ИЗ ЯПОНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Е. ЖУКОВ, член корреспондент Академии наук СССР

Для человека, который не впервые посещает Ионию, естественно искать какие-то новые черты в ее внешнем облике, сравнить увиденное со своими прошлыми впечатлениями. Изменилась ли Ипония за последние 10—15 лет? Безусловно, изменилась. Однако эти перемены не настолько разительны, чтобы стрелы привычные представления об этой стране.

Мне пришлось видеть столицу Ионию — Токио в 1946 году, когда еще были обнажены зияющие раны, нанесенные войной. Целые кварталы остались разрушенными, или, вернее, сожженными, основная масса населения бедствовала, а на площадях, где собирались массовые митинги, раздавались гневные голоса возмущения по адресу тех, кто вовлек Ионию в военную катастрофу.

Теперь, в 1955 году, горевшие кварталы Токио уже в основном отстроены. Нет больше гнетущего зрелища захламленных пустырей. Нормально работает городской транспорт. С прохотом несется по всем направлениям переполненные электрические поезда наземной железной дороги, на улицах много автомашин.

Как всегда бывало в Токио, поражает невероятное количество мелких лавочек, какими-то неведомыми путями «соосуществующих» с многоэтажными универмагами. Впрочем, разгадать этот экономический секрет не так уж трудно: хозяин карликового торгового предприятия своими руками построил из легких досок «магазин», который служит ему одновременно и складом товаров и жилищем. Обслуживает покупателей он сам или члены его семьи, разумеется, не претендующие ни на какую зарплату. Покупатель мало. Сравнительно немного их и в роскошных универмагах на центральной улице Токио — Гинза. Компании — владельцы универсальных магазинов все же нажимают на рекламу, чтобы привлечь внимание публики: в воздухе над городом висит толстая аэрастат, заманивающие покупателей, а в витринах на службу коммерции поставлена заманчивая техника — какой-нибудь механический пистолет ревет зубами материю, чтобы доказать ее «абсолютную» прочность.

Продошедший по Гинзе, в особенности в вечернюю пору, увидит множество «предпринимателей» особого типа: это — предсказатели судьбы, маги и хироманты обоего пола. Более скромные из них ограничиваются небольшим дотком, на котором стоит фонарь, более оборотистые являются обладателями целой передвижной витрины, установленной на тележке. На витрине — разноцветные таблицы и некая аппаратура, привоимая в действие электричеством: белая и черная магия покоится на современном техническом фундаменте...

Во все это было и раньше, оно не входит ничего нового в прежний, сохранившийся в памяти облик Токио. Что же все-таки внешне изменилось? Представители прогрессивной профессуры рассказывали нам о том, что студенты любят марксистов и охотно посещают их лекции. Однако высшая администрация придерживается противоположных взглядов. Нелегко получить или удержать кафедру профессору, который востен своими левыми убеждениями. Это особенно относится к государственным университетам, где власти осуществляют наиболее придирчивый контроль за преподаванием и настроением студентов.

Посмотрите, как одеты идущие по улице, и тогда все станет ясно. Где разноцветные клемы, которые прежде придавали столь неповторимый колорит улицам японских городов? Их не видно больше или, во всяком случае, почти не видно. Не только мужчины, но и женщины одеты по-европейски, хотя, глядя на японских девушек, может быть, правильнее сказать — по-американски. В этом отношении, действительно, произошла большая внешняя перемена: теперь только какая-нибудь отчаянная педегошка отправится в Гинзу в японском национальном платье, чтобы быть особенно заметной среди толпы.

Я оведомился у одной японской дамы, чем это вызвано: почему так потускнели краски японской национальной моды, неужели так сильно иностранное влияние? Моя собеседница грустно улыбнулась и ответила: «Нет, что вы! Мы очень любим наш национальный костюм. Но одеваться по-европейски гораздо дешевле». Людям, существующим на заработную плату, житье в Ионии нелегко. Замечательные перемены коснулись некоторых дворянских знатей. Так, например, дворец Асакаса, один из лучших образцов европейской архитектуры, ранее принадлежавший императору, теперь служит хранилищем крупнейшей парламентской библиотеки. Директор этой библиотеки — Г-н Канамори, человек, занимавший в прошлом министерские посты, в беседе с нами выражает свое удовлетворение тем, что бывший дворец Асакаса нашел теперь столь благородное применение, хотя тут же пожаловался на то, что дворцовые залы плохо приспособлены к хранению книжных богатств. Г-н Канамори проявил большой интерес к организации библиотечного дела в СССР и выразил пожелание наладить постоянный книгооборот с библиотекой имени В. И. Ленина в Москве.

Во время нашего пребывания в Ионии нам не раз приходилось убеждаться в том, что советскую книгу знают и ценят в японских читательских кругах. На книжных витринах в Токио легко обнаружить немало переводов советских авторов. Можно без преувеличения сказать, что каждое значительное произведение советской художественной литературы дошло до японского читателя, и, как правило, в очень тщательном, добротном переводе. То же самое можно сказать и о советской научной книге. Работы советских ученых во всех областях знаний пользуются большим спросом у японской профессуры и студенчества. Особенно большой интерес вызывают книги по философии,

политической экономии, истории. Достаточно сказать, например, что советский учебник политической экономии был переведен и издан в Ионии тиражом в триста тысяч экземпляров.

Канда — так называется обширный район Токио, где сконцентрирована основная масса книжных магазинов. Тут же находится университет и наблюдается наибольшее скопление студенческой братии. Канда — это своеобразный латинский квартал японской столицы. С утра до позднего вечера в книжных лавках толпится народ. Одни ищут нужные им издания, другие прочтывают то, что им необходимо, превращая таким образом, книжный магазин в библиотеку, третьи — просто любители держать в руках и перелистывать книгу. К сожалению, у нас было недостаточно времени, чтобы побродить вдоль по книжным магазинам Канда. Но одно вынесенное нами впечатление безошибочно: огромное внимание и интерес японской читательской публики к марксистской книге. Продавцы — они нередко являются и хозяевами или совладельцами книжных лавочек — хорошо понимают симпатии покупателей. Когда их спрашивают о той или иной книге, они с уверенностью отвечают: «Вот эта? Извините, она устарела, автор — человек реакционных убеждений. Возьмите лучше вот только что вышедшее марксистское исследование по этому же вопросу. Означает ли это, что авторы «реакционных убеждений» уже полностью вытеснены и что им нечего делать в современной Ионии? Нет, подобное утверждение было бы глубоко ошибочным. В Ионии, как и всюду, идет борьба старого с новым, а старое сохраняет здесь еще очень прочные позиции».

Представители прогрессивной профессуры рассказывали нам о том, что студенты любят марксистов и охотно посещают их лекции. Однако высшая администрация придерживается противоположных взглядов. Нелегко получить или удержать кафедру профессору, который востен своими левыми убеждениями. Это особенно относится к государственным университетам, где власти осуществляют наиболее придирчивый контроль за преподаванием и настроением студентов.

Посмотрите, как одеты идущие по улице, и тогда все станет ясно. Где разноцветные клемы, которые прежде придавали столь неповторимый колорит улицам японских городов? Их не видно больше или, во всяком случае, почти не видно. Не только мужчины, но и женщины одеты по-европейски, хотя, глядя на японских девушек, может быть, правильнее сказать — по-американски. В этом отношении, действительно, произошла большая внешняя перемена: теперь только какая-нибудь отчаянная педегошка отправится в Гинзу в японском национальном платье, чтобы быть особенно заметной среди толпы.

Я оведомился у одной японской дамы, чем это вызвано: почему так потускнели краски японской национальной моды, неужели так сильно иностранное влияние? Моя собеседница грустно улыбнулась и ответила: «Нет, что вы! Мы очень любим наш национальный костюм. Но одеваться по-европейски гораздо дешевле». Людям, существующим на заработную плату, житье в Ионии нелегко. Замечательные перемены коснулись некоторых дворянских знатей. Так, например, дворец Асакаса, один из лучших образцов европейской архитектуры, ранее принадлежавший императору, теперь служит хранилищем крупнейшей парламентской библиотеки. Директор этой библиотеки — Г-н Канамори, человек, занимавший в прошлом министерские посты, в беседе с нами выражает свое удовлетворение тем, что бывший дворец Асакаса нашел теперь столь благородное применение, хотя тут же пожаловался на то, что дворцовые залы плохо приспособлены к хранению книжных богатств. Г-н Канамори проявил большой интерес к организации библиотечного дела в СССР и выразил пожелание наладить постоянный книгооборот с библиотекой имени В. И. Ленина в Москве.

Во время нашего пребывания в Ионии нам не раз приходилось убеждаться в том, что советскую книгу знают и ценят в японских читательских кругах. На книжных витринах в Токио легко обнаружить немало переводов советских авторов. Можно без преувеличения сказать, что каждое значительное произведение советской художественной литературы дошло до японского читателя, и, как правило, в очень тщательном, добротном переводе. То же самое можно сказать и о советской научной книге. Работы советских ученых во всех областях знаний пользуются большим спросом у японской профессуры и студенчества. Особенно большой интерес вызывают книги по философии,

политической экономии, истории. Достаточно сказать, например, что советский учебник политической экономии был переведен и издан в Ионии тиражом в триста тысяч экземпляров.

Канда — так называется обширный район Токио, где сконцентрирована основная масса книжных магазинов. Тут же находится университет и наблюдается наибольшее скопление студенческой братии. Канда — это своеобразный латинский квартал японской столицы. С утра до позднего вечера в книжных лавках толпится народ. Одни ищут нужные им издания, другие прочтывают то, что им необходимо, превращая таким образом, книжный магазин в библиотеку, третьи — просто любители держать в руках и перелистывать книгу. К сожалению, у нас было недостаточно времени, чтобы побродить вдоль по книжным магазинам Канда. Но одно вынесенное нами впечатление безошибочно: огромное внимание и интерес японской читательской публики к марксистской книге. Продавцы — они нередко являются и хозяевами или совладельцами книжных лавочек — хорошо понимают симпатии покупателей. Когда их спрашивают о той или иной книге, они с уверенностью отвечают: «Вот эта? Извините, она устарела, автор — человек реакционных убеждений. Возьмите лучше вот только что вышедшее марксистское исследование по этому же вопросу. Означает ли это, что авторы «реакционных убеждений» уже полностью вытеснены и что им нечего делать в современной Ионии? Нет, подобное утверждение было бы глубоко ошибочным. В Ионии, как и всюду, идет борьба старого с новым, а старое сохраняет здесь еще очень прочные позиции».

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТКОВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.